

УДК 165

**ОБ «ОТКРЫТОСТИ» СОВРЕМЕННОГО СОЗНАНИЯ
(ПРОБЛЕМА «ОТКРЫТОСТИ» МЫШЛЕНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ Л.ШЕСТОВА
И ДРУГИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XX в.)**

В.Б. Окорок
Днепропетровск, Украи

Если миром руководит «логос», то он обречен на фатальность, если руководит бог, то все зависит от тех свойств, которыми он обладает. Но прозрачность логоса, во всех остальных случаях единственным спасением человеческого бытия становится понимание или «вносимые поправки», корректирующие рациональность. Парадоксальность нашего времени как раз в том и состоит, что нельзя понять, но нельзя и не понимать: первое ведет к ограничению (человек в разуме не может преодолеть его границ), второе – к бесплодности (понимания нет опоры; если все релятивно, нет и движения).

В своих поисках свободного человека Шестов разрушает границы философии и вторгается в сферу метафизики и религии. Его интересует судьба нового человека, а не судьба науки, «живая» личность, а не, собственно, философ. Все науки для него являются лишь средством решения проблемы формирования нового активного человека. Поэтому ему одному из первых удалось создать систему открытого типа, в которой все науки (в том числе и науки о духе) являются лишь формами бытия человека, укладывающимися в сознание нового человека и создающими определенный «настрой» к внешнему миру; они лишь формы, согласно которым человек соизмеряет внешний бесконечный мир со своим внутренним измерением. Тогда естественные науки и исторически сложившаяся часть наук о духе (в том числе их законы и императивы) выполняют роль матриц, по которым транспонируется действительность, а скрытая часть наук о духе – та максимальная свобода, которую, по Шестову, еще может «ощущать» человек в рамках сковывающих условий «закрытой» части, – позволяет человеку соизмерять себя с миром в целом, со всеми тайнами (богом, бессмертием, бесконечностями визуальных пространств). Шестов все усилия направляет на эту составляющую наук о духе. Именно исследование и составляет основу его философии. И в этой области, в которой невозможно системное решение, Шестов стремится создать систему, которая, благодаря открытости исследуемой части, не была замечена критиками, а с другой стороны – явилась его позитивом и вкладом в понимание новой философии. Впрочем, после него уже многие мыслители XX в. работали в открытой области наук о духе. Об этом в последней половине XX в. писали Хабермас и Рорти. В этой же области работали Р.Бультман и К.Барт. Смысл человеческого существования, по мнению Бультмана, находится перед Богом в ситуации выбора. Еще более близко у К.Барта: замкнутая в себе святость не есть святость; и еще: Община Христова – это дом, двери которого распахнуты в мир. Над нами присутствует сознание смысла жизни, память о происхождении человека.

Однако их «открытость» не тождественна шестовской. Если К.Барт ищет «решение», а Бультман «выбор», которые, в конечном счете, есть Бог, и нам в своей активности необходимо лишь дотянуться до божественного

откровений, то Шестов отвергает всякое «чистое» решение. Его Бог «живой» и поэтому исключается какое бы то ни было сковывание свободы человека. Целью человеческого существования становится поиск Бога во всех его бесконечномерных возможностях. Бог Шестова – это «чистая» свобода человека в любых измерениях. Моменты открытости присутствуют и у К.Ранера (в духе К.Барта и Р.Бультмана), и у П.Тиллиха, сдвигающего выбор человека между двумя расходимостями: бытием и ничто – в пользу первого «мужеством быть»; и у Г.Марсея (с его тайной) и т.д. Тем не менее, ни у кого из них нет более радикальной постановки проблемы «открытости» философии (или наук о духе), чем у Шестова, у которого «вера есть безумная борьба за возможность». Даже у Аббаньяно, для которого экзистенция есть свобода, поиск человека все же не сводится к борьбе. Такая «открытость» философии и сознания пугает Шестова. Ранее это случилось с ап. Павлом, Плотинем, Лютером, Паскалем и др. Кьеркегор и Ницше не перешли рубежа «открытости», Достоевского от нее спасло подполье. Шестов также ищет путь преодоления открытости, ибо понимает, что в абсолютной беспочвенности жить невозможно. Для этого он анализирует историю «открытого» сознания и философии и (в отличие от К.Попнера) приходит к выводу, что первыми его представителями были Сократ и Платон, спасшийся от него в «пещере» и «мире идей». Философия Аристотеля – образец теории закрытого типа. Но первое правило «открытости» создано не ими, а основателями христианской религии. Шестов часто ссылается на ап. Павла, к которому сходятся пути многих христианских теологов XX в.: «человек оправдывается верой без дел закона». Иисус и апостолы, по существу, создали земной институт веры (Церковь), сблизив веру во внешний «авторитет» с земными делами. Уже тогда они, видимо, поняли, что закон и науки множат атрибуты «закрытого» общества, все усилия которого направлены не на человека, а на совершенствование законов подавления. Закрытое общество сильно властью разума, открытое – свободой человека во всех внешних измерениях (разуме, государстве, обществе...), словом, любых внешних авторитетах. Необходимость, считает Шестов, исключает всякую борьбу. Поэтому в истории так радикально разошлись два подхода к человеку: открытый и закрытый.

Вплоть до XIX в. человечество знало только один радикальный способ укрощения открытости наук о духе. Это механизм веры. Еще Лютер стремился показать полную невозможность примирения разума с верой. В результате чего он «утяжеляет» правило «открытости»: «ничто так не противоборствует вере, как закон и разум, и без огромного напряжения и труда преодолеть их невозможно» – весь смысл учения Лютера состоит в том, что спастись надо не делами, а верой (только верою спасется человек). «Царство божие внутри нас» (внутри нашего сознания) – вот открытие Лютера, все внешние авторитеты лишь заслоняют вход в это царство. И платоновское «приготовление к смерти», и плотинское «взлететь над разумом», и паскалевский ужас являются, по Шестову, лишь разновидностями лютеровского правила (укрощения открытости бытия) человека. Под это же правило подпадают и Спинозовское «спастись можно только надеясь на себя», и Толстовское «царство божие внутри нас», и Соловьевское «спастись надо не отдельными делами, а единым общим делом», и Ницшеанское «по ту сторону добра и зла». Шестов, опираясь на Лютера, трактует правило «открытости» в его духе: «весь смысл веры в том и состоит, что она разрывает... с самой идеей авторитета»; «всякая философия, которая стремится к всеединству, прежде всего, озабочена тем, чтобы отнять у человека свободу».

Вера и спасение, по Шестову, становятся синонимами. Он живет уже в новое время, в котором не только религия, как во времена Лютера, но и философия становится «наукой о духе» и имеет непосредственное отношение к пониманию сущности спасения и к самой личности. И вот к этому «личному» повороту философии Шестов имеет самое прямое отношение. Философия для него (как философствование) превращается в личное дело человека: и уже не только религиозный человек, но и личность, обретшая свою философию, способна на самораскрытие (поворот). Однако и в этом случае поворот не дается без значительных внутренних усилий и напряжений. И если, по Лютеру, только вера пробуждала от сначки в разуме и в авторитетах (спасала человека), то, по Шестову, и трагедия приводит к тем же результатам. Если, по Лютеру, лишь религия становилась поворотным моментом для человека, то, по Шестову, к тому же может привести и философия (философия трагедии). Для него, мыслителя XX в., психология уже тесно соприкасается и с религией, и с философией. В таком понимании и «царство божие внутри нас», и «пещера», и «подполье» значат буквально одно и то же. Шестов, по существу, первый после Лютера проводит коррекцию лютеровского правила (Кьеркегор еще только был на подступах): к «только верую» он стремится добавить и «экзистенциальной активностью спасется человек». Ему открывается, что и тот, и другой пути ведут к раскрытию внутренних потенций человека: делами человек может спастись только во «внешнем мире» (внешнем рациональном измерении бытия), верой и экзистенциальной активностью – во внутреннем. Каким это ни покажется парадоксальным, но именно Шестов, третьим в мировой истории, после ап. Павла и Лютера, корректирует правило «открытости».

Сознание, но не Божественное, а человеческое (в философии и религии) является центром притяжения поисков Шестова. Таким образом, он, по существу, оказался одним из провозвестников и религии, и философии нового открытого типа, о которой спустя более полувека говорили Поппер, Хабермас, Рорти и др.

УДК 215

СООТНОШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО МИРА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА*

*А.С. Архангельская, А.А. Трофимов
Симферополь, Украина*

«... Вл. Соловьев чувствовал, что в его жилах билась кровь проповедника, публициста и поэта..., пророка... и вообще человека, преданного изысканным духовным интересам. Быть профессором для него было просто скучно».

Лосев А. Ф.

Для данного опыта исследования мы предлагаем в качестве возможного подхода рассмотрение судьбы Владимира Соловьева как стиля его жизни и его творчества – как стиля его мышления. В свое время Л. Баткин, исследуя жизнь и творчество итальянских гуманистов, исходил из концепции взаимосвязи и взаимообусловленности стиля жизни и стиля мышления.

Что же до страннической (иногда ее называют просто «бездомной») жизни В. Соловьева, то, пожалуй, точнее всего ее обозначил Александр Блок в одном